

*Моей свекрови, Валери,
с любовью*

Поузи

*Дневная бабочка-адмирал
(Vanessa atalanta, лат.)*

Адмирал-хаус, Саутволд, Саффолк

Июнь 1943

— Помни, радость моя, что ты фея и бесшумно летаешь над землей на легчайших крылышках, готовая поймать свою добычу в шелковый сачок. Смотри! — прошептал он мне на ухо. — Вон она, прямо на кончике листочка. Ну, давай, лети!

Я послушно закрыла на несколько мгновений глаза и поднялась на цыпочки, воображая, как мои ножки отрываются от земли. Но вот я почувствовала, как папина ладонь слегка подтолкнула меня вперед. Открыв глаза, я пристально взглянула на лазурно-голубые крылышки бабочки и, стремительно сделав два шажка, накинула сачок на хрупкий длинный лист куста буддлеи, где как раз сидела голубянка арион.

Волна воздуха под опускавшимся шелком насторожила голубянку, она расправила крылышки, намереваясь взлететь. Но опоздала, ведь я, Поузи, принцесса фей, уже поймала ее. Разумеется, ей не причинят вреда, просто Лоренс, король нашей Волшебной страны — а также мой отец — изучит ее и отпустит на свободу после того, как она вдоволь насладится лучшим нектаром в большой стеклянной банке.

— Какая же умница, моя Поузи! — воскликнул папа, когда я, пройдя обратно по траве, самодовольно вручила ему сачок. Он присел и склонился ко мне так, что наши взгляды — все говорили, что у нас с ним одинаковые глаза — встретились, сияя общей восторженной гордостью.

Я внимательно следила, как он, склонив голову, разглядывал пойманную бабочку, она сидела совершенно неподвижно

но, уцепившись крошечными лапками за белый шелк своей тюрьмы. Свои волосы темно-каштанового цвета папа смазывал маслом, чтобы они выпрямились, и потому они блестели на солнце, как столешница нашего длинного обеденного стола, старательно отполированная Дейзи. От его волос исходил изумительный запах — уютный и домашний папин запах, ведь папа и воплощал в себе понятие «дом», и я любила его больше всех во всех моих мирах, как человеческом, так и волшебном. Маман я тоже любила, конечно, но, несмотря на то что она почти всегда находилась дома, я чувствовала, что знаю ее не так хорошо, как папу. Из-за странных мигреней она проводила много времени в своей комнате, а когда выходила оттуда, то обычно бывала так занята делами, что не могла уделить мне ни минуты.

— Ты знаешь, милая моя девочка, что тебе попался идеальный экземпляр! — воскликнул папа, взглянув на меня. — Подлинная редкость на наших берегах, и, безусловно, благородного рода, — добавил он.

— Может, он принц королевства бабочек? — спросила я.

— Вполне возможно, — согласился папа. — Мы должны обходиться с ним с крайним почтением, как того требует его королевский статус.

— Лоренс, Поузи... обедать! — позвал нас донесшийся из-за кустов голос.

Встав с корточек, папа поднялся над кустом буддлеи и махнул рукой в сторону темневшей за лужайкой террасы Адмиралхауса.

— Идем, милая, — крикнул он в ответ довольно громко, ведь мы находились далеко от дома. Я заметила, как заискрились улыбкой его глаза при виде жены: моя мать не ведала о своем царственном положении Королевы Волшебной страны. Мы с папой никого больше не посвящали в нашу игру.

Взявшись за руки, мы прошли по газонам, вдыхая запах свежескошенной травы, он ассоциировался у меня с веселыми праздниками в саду: с друзьями маман и папы, все с шампанским в одной руке и крокетным молотком в другой, ударя-

ют по шарам, они проскакивают через воротца на крокетном поле, траву на котором как раз по таким случаям и скашивал сам папа...

С начала войны такие веселые дни случались редко, что делало воспоминания о них еще более драгоценными. Из-за этой войны папа стал прихрамывать, поэтому мы с ним теперь гуляли совсем медленно, хотя мне такая замедленность как раз нравилась, ведь она означала, что папа будет дольше принадлежать мне одной. Правда, ему уже стало намного лучше, чем в тот день, когда его привезли домой из госпиталя. Поначалу он передвигался в кресле на колесиках, как старичок, и его глаза тоже смотрели уныло и грустно. Но благодаря уходу маман и Дейзи и еще тому, что я старалась изо всех сил, читая ему книжки, он быстро пошел на поправку. Последние дни он уже даже не брал с собой на прогулку трость, если мы ходили только по нашему саду.

— А теперь, Поузи, беги в дом и вымой руки и лицо. Да скажи маме, что мне еще надо найти местечко для новой гостьи, — велел мне папа, взмахнув сачком, когда мы достигли крыльца, ведущего на веранду.

— Хорошо, папуля, — ответила я, глядя, как он удаляется по газону и скрывается за высокой самшитовой живой изгородью. Он направился к нашей Башне из желтых песчаных кирпичей, к нашему прекрасному сказочному Замку для волшебного народца, где радушно принимали залетевших в гости бабочек. Папа проводил там массу времени. В уединении. Когда маман просила меня позвать папу к обеду, мне удавалось лишь украдкой заглядывать в округлое помещение, что находилось сразу за входной дверью Башни — там было очень темно и пахло какой-то плесенью.

В этом нижнем помещении хранилось «садовое оборудование», как называл его папа; теннисные ракетки теснились рядом с крокетными воротцами и испачканной землей резиновыми сапогами. Меня никогда не приглашали подняться по ступенькам винтовой лестницы, которая вела все выше и выше, под самую крышу (хотя я побывала там, тайно забравшись наверх, ког-

да маман позвала папу домой к телефону). К моему крайнему разочарованию, я обнаружила, что папа успел запереть массивную дубовую дверь наверху. И дверь даже не шелохнулась, несмотря на то что я изо всех своих детских сил крутила ее круглую ручку. Я знала, что, в отличие от нижнего зала, в верхнем имелось много окон, поскольку видела их из сада. Наша Башня отчасти напоминала мне саутволдский маяк, только Башню увенчивали зубцы короны, а на верхнем ярусе маяка горел яркий свет.

Поднявшись по крыльцу на террасу, я радостно вздохнула, увидев красивые стены нашего большого дома из розового кирпича, с рядами высоких подъемных окон, обрамленных зелеными плетями глициний. Я заметила, что на веранде накрыт для обеда позеленевший кованый железный стол, потерявший от старости свой исходный черный цвет. На столе лежало только три салфетки, а на них стояло столько же тарелок и стаканов для воды, то есть обедать мы собирались втроем, что было на редкость необычно. «Как замечательно, — подумала я, — что мне достанется все внимание маман и папы».

Войдя в дом через широкие двери, я прошла по гостиной между обитыми шелковым дамастом диванами, стоявшими вокруг огромного мраморного камина — такого большого, что в прошлом году Санта-Клаус умудрился на Рождество спустить туда блестящий красный велосипед, — и пробежала по лабиринту коридоров до туалетной комнаты нижнего этажа. Закрыв за собой дверь, я обеими руками открутила большой серебряный кран и тщательно вымыла руки. Мне пришлось встать на цыпочки, чтобы увидеть в зеркале свое отражение и проверить, не осталось ли грязи на лице. Маман очень придирчива к внешнему виду — папа говорит, что это все из-за ее французских предков, — и горе любому из нас, если мы не явимся к столу безукоризненно чистыми и опрятными.

Однако даже маман не удавалось справиться с пружинистыми завитками моих темно-русых волос, они упорно вырывались на свободу из туго заплетенных кос, вились сзади на шее и, вы-

скальзывая спереди, окружали мой лоб пышным ореолом. Однажды вечером, когда папа укладывал меня в постель, я спросила, не может ли он одолжить мне немного своего масла для волос, вдруг оно мне поможет, но он только посмеялся, накрутив себе на палец один из моих локонов.

— Ничего подобного тебе не нужно. Мне нравятся твои кудряшки, радость моя, и будь на то моя воля, они целыми днями могли бы свободно струиться по твоим плечам.

Возвращаясь обратно по коридору, я в очередной раз сокрушенно вздохнула из-за того, что мне не достались по наследству мамины гладкие и прямые как палки, густые светлые волосы. По цвету они напоминали белый шоколад, который она подавала к кофе после ужина. Моя же шевелюра, по крайней мере, по словам маман, скорее напоминала *café au lait*¹. Я же лично определяла свой цвет волос как серо-бу-ро-малиновый.

— Наконец-то, Поузи, — сказала маман, когда я вышла на террасу. — А где твоя шляпа?

— Ой, должно быть, осталась в саду, где мы с папой ловили бабочек.

— Сколько раз мне еще повторять, что кожа на твоём лице может стореть и быстро сморщиться, как сушеный чернослив, — укорила меня маман, когда я устроилась за столом. — И в сорок лет ты будешь выглядеть, как шестидесятилетняя старушка.

— Я постараюсь не терять шляпку, маман, — покладисто ответила я, на самом деле думая, что сорок лет — тоже почтенный возраст, и к тому времени вид моего лица вряд ли будет волновать меня.

— Как нравится моей старшей любимой девочке нынешний чудесный денек?

Появившись на веранде, папа заключил маман в объятия, и часть воды из графина, который она держала, выплеснулась на серые каменные плиты пола.

¹ Кофе с молоком (*фр.*).

— Осторожнее, Лоренс! — сердито воскликнула маман и, высвободившись из его рук, поставила графин на стол.

— Разве это не славный, вселяющий надежды денек? — Папа улыбнулся, садясь за стол напротив меня. — Причем прекрасная погода, видимо, продержится до выходных, и, значит, нашим гостям тоже повезет.

— К нам приедут гости? — спросила я, когда маман села рядом с ним.

— Да-да, моя радость. Твоего отца признали достаточно здоровым для возвращения на службу, поэтому мы с маман решили повеселиться напоследок, пока есть возможность.

Сердце у меня ёкнуло, когда Дейзи, наша единственная служанка, поскольку все остальные слуги ушли на военную службу, подала на стол мясо и редис. Я терпеть не могла редиску, но на этой неделе в нашем огороде осталась только редиска, а все остальные овощи тоже отправились на военные нужды.

— И надолго ты уедешь, папа? — спросила я тихим напряженным голосом, чувствуя, как плотный комок в горле мешает мне говорить, словно в горле уже застрял кусок противной редиски. И еще я вдруг поняла, что вот-вот разревусь, как маленькая.

— О нет, солнышко, теперь, должно быть, не слишком надолго. Всем известно, что этот Варвар обречен, но ты же понимаешь, я должен помочь нанести финальный удар. Не могу же я подвести своих друзей, верно?

— Верно, папа, — удалось мне выдавить дрожащим голосом. — Но ведь у тебя больше не будет ранений, правда?

— Нет-нет, *chérie*, — воскликнула маман. — Твой *papa*¹ способен выдержать любые удары, верно ведь, Лоренс?

Я заметила, как натянуто улыбнулась моя мать, и подумала, что она, должно быть, так же, как я, беспокоится за папу.

— Способен, любовь моя, — ответил он, накрыв ладонью ее руку и крепко сжав ее. — Конечно, способен.

¹ Милая, папа (*фр.*).

— Папа, — сказала я на следующее утро за завтраком, осторожно окуная в яйцо хрустящий гренок, — сегодня так тепло, может, мы сходим к морю? Ведь мы так давно не гуляли по взморью.

Я видела, как папа глянул на маман, но она, казалось, ничего не замечая, пила *café au lait*, читая свои письма. Маман постоянно получала множество писем из Франции, написанных на тончайшей бумаге, даже тоньше, чем крылышко бабочки, и их тонкость вполне гармонировала с обликом маман, поскольку все в ее натуре выглядело на редкость хрупким и утонченным.

— Папуля? Взморье... — с нажимом повторила я.

— Прелесть моя, боюсь, что взморье сейчас не подходящее для прогулок местечко. Там же натянута колючая проволока, и к тому же сам берег заминирован. Помнишь, как я объяснял тебе, что случилось в Саутволде в прошлом месяце?

— Да, папуля. — Я опустила взгляд на свое яйцо и вздрогнула, вспомнив, как Дейзи тащила меня в бомбоубежище Андерсона¹ (тогда я подумала, что его так назвали по нашей фамилии — и пришла в страшное недоумение, когда Мейбл сообщила, что у них в семье тоже есть бомбоубежище Андерсона, хотя их фамилия Прайс). Небо тогда словно ожило от грома и молний, однако папа сказал, что эту грозу наслал на нас не Господь, а Гитлер. Спрятавшись в бомбоубежище, мы все жались друг к другу, а папа сказал, что нам лучше притвориться ежиным семейством, и предложил мне свернуться клубочком, как маленькому ежику. Маман явно рассердилась, услышав, что он назвал меня ежиком, но я действительно притворилась ежонком, представив, что зарылась в норку под землю, пока над ней воевали люди. В конце концов оглушительные взрывы затихли. Папа сказал, что нам всем мож-

¹ Семейное убежище; такие бомбоубежища сооружались во время Второй мировой войны, названы по имени Джона Андерсона, занимавшего пост министра внутренних дел.